

УДК 821.161.19«1917/1991»

ББК 83.3(2=Рус)6

ИСПЫТАНИЕ СМЕРТЬЮ ГЕРОЕВ РОМАНА Ю. БОНДАРЕВА «ГОРЯЧИЙ СНЕГ»

В.В. Компанеец, И.А. Манакина

В статье проанализировано испытание смертью человека на войне, рассмотрены образы главных и второстепенных персонажей, определена связь между нравственным потенциалом личности и ее отношением к смерти.

Ключевые слова: испытание смертью, страх, инстинктивное начало, нравственный потенциал, эволюция личности.

Проблема смерти всегда волновала людей. Философы, богословы и писатели по-разному понимали и трактовали окончание человеческой жизни. С биологической точки зрения, смерть является, прежде всего, необратимым процессом, окончанием физического существования. В христианстве она понимается двояко: с одной стороны, как «последний враг» (1 Кор. 15:26), который будет уничтожен в конце всех времен, с другой стороны, смерть – долгожданный переход вечной души из тленного земного мира в Царствие Небесное. В любом случае каждому человеку свойствен страх смерти. Способность же преодолеть его в суровых жизненных испытаниях раскрывает духовный потенциал личности. Наиболее ярко это проявляется на войне, в жестоких условиях ситуации постоянного нравственного выбора. С таким испытанием сталкиваются персонажи романа Ю. Бондарева «Горячий снег».

В сознании бондаревских героев переплетаются темы войны и смерти. Война, ведущаяся ради жизни, непременно несет с собою гибель. Но не всегда умирает тело человека, зачастую гибнет его душа. Каждый из персонажей романа проходит свой путь, на котором ему предстоит сделать выбор между жизнью и смертью, отвагой и трусостью, нравственным взлетом и падением. Принятие или непринятие совершающегося зависит не только от идеологических и культурных установок, но и от самого характера человека, от его личностных качеств. Известный сталинский приказ «Ни шагу назад!» утверждает, по сути, неизбежность смерти, невозможность спасения. Но способность оставаться человеком в сложившихся обстоятельствах зависит уже от индивидуума. Согласно религиозным представлениям, павшие на поле брани защитники родины непременно достойны рая. В реальности же не светлое чувство веры в будущую жизнь владеет людьми, а чаще всего первобытный инстинкт, страх, подавляемый у людей духовно развитых рациональным началом.

Образ Кузнецова занимает одно из центральных мест в «Горячем снеге». В романе показано, прежде всего, развитие, становление характера молодого лейтенанта. И испытание смертью является значительным этапом, который он вынужден пройти. В ходе эволюции личности лейтенанта у него изменяется отношение к смерти. Очень точное замечание делает в своем исследовании Ю. Идашкин: «И за одни сутки, спрессованные событиями до мгновения и вместе с тем растянутые до продолжительности целой жизни, Кузнецов проделывает путь от новичка до умудренного тяжелейшим опытом, зрелого, перешедшего на “ты” со смертью командира» [2, с. 115]. Кузнецов получил боевое крещение в боях под Рославлем. Именно тогда впервые лицом к лицу встретился он со смертью и тем, что она дает людям: нервный срыв, страх, страдания, «будто выдергивалось все сдерживающее, точно стержень какой-то» [1, с. 296]¹. Ничего не испытывал тогда лейтенант к таким солдатам, кроме «омерзения к человеческой слабости» (там же), и единственное, чего он боялся, поддаться похожему состоянию. Не страх быть убитым, а страх оказаться бессильным укоренился в сознании Кузнецова. Причем опасается он, в первую очередь, духовного бессилия, потери того внутреннего стержня, при отсутствии которого человека ожидает скорая гибель. Такое отношение к человеческой слабости во многом объясняется максимализмом, свойственным молодости героя. Но не в жесткости и не в жестокости проявляет он свои чувства, как Дроздовский, а наоборот, жалость смешивается в его душе с презрением к малодушным людям. Яркий тому пример – его двойное отношение к Чибисову.

Самые главные изменения в характере Кузнецова начинают происходить в бою под Сталинградом. Бондарев раскрывает психологию лейтенанта через его внутренний монолог: «Я не имею права так. Не имею! Это отвратительное бессилие... Надо снять панорамы! Я боюсь умереть? Почему я боюсь умереть? Осколок в голову... Я боюсь осколка в голову?... Нет, сейчас выскочу из окопа. Где Дроздовский?... Уханов знает, что я готов приказать... Зачем? Черт с ними, с прицелами! У меня не хватает сил выскочить из ро-

вика... Готов приказать, а сам сидеть здесь. Если выскочу из ровика, ничто не будет защищать. И – раскаленный осколок в висок?... Что это, бред?» (с. 152). Естественный человеческий страх смешивается в душе Кузнецова с разумным и сознательным неприятием слабости и бессилия, как в других, так и в себе. Но он способен признаться себе в своем замешательстве, а это и есть сила. Интересно, что Кузнецов боится не смерти вообще, а вполне конкретной ее формы – осколка в голову. Его встревоженный ум не может понять, как небольшой раскаленный кусочек железа может лишить его самого главного и ценного – жизни. Как указывает И.В. Страхов, «в самой общей своей функции вопросительная форма речи означает обращенность сознания к чему-то новому» [5, с. 93]. Данная ситуация, предполагающая нравственный выбор, является для Кузнецова принципиально новой, не встречавшейся ранее. Это новое заставляет героя рефлексировать, осмысливать свои чувства, представлять возможную гибель. Но во время боя он не может проанализировать все психические процессы, происходящие у него в душе. Поэтому, отмечая, точнее, фиксируя самые волнующие его моменты, Кузнецов делает наиболее простой и понятный для него в данном случае вывод, который также дан в вопросительной форме, о том, что все это бред. Навязчивая мысль лейтенанта об осколке есть своего рода психологическая квинтэссенция страха за свою жизнь.

Во время танковой атаки Кузнецова опять пронзает мысль о близости смерти: «Конец! Все сейчас будет кончено... Неужели сейчас?» (с. 168). Буквально за несколько мгновений в душе лейтенанта происходит множество движений, процессов. От осознания полной безысходности ситуации, когда на расчет надвигался танк, Кузнецов моментально приходит к спасительному сомнению, неверию в собственную гибель: «Неужели сейчас?» (там же). Эти слова можно понимать по-разному. С одной стороны, как несогласие с предрешенной смертью, с другой – как удивление происходящему. Сложность чувства, владеющего в тот момент лейтенантом, позволяет ему не стать поработленным своим страхом, а наоборот, заставляет противодей-

ствовать надвигающейся угрозе. Желание жить пересиливает ощущение приближающейся смерти. Бондарев очень тонко рисует психологическое состояние Кузнецова во время боя. Орудие Уханова подбило танк, надвигающийся на окоп лейтенанта. Кузнецовым в тот момент овладела «какая-то пронзительная вера в свое легкое счастье, в свое везение» (с. 169). Именно такое мимолетное счастье позволило ему вновь почувствовать свою внутреннюю силу, создало положительный психологический настрой. Через несколько минут непрекращающейся танковой атаки лейтенант уже не думал о немедленном конце, ход его размышлений стал иным: «Неужели сейчас мы все должны умереть? <...> Нет, нет, я должен что-то сделать!.. А что такое будет смертью? Нет, меня не должно убить!.. Нет, нужно только думать, что меня не убьют, – и тогда меня не убьют! Я должен принять решение что-то сделать!» (с. 171). В этом коротком внутреннем монологе синтезировано множество психологических пластов. Несогласие со свершающимся, желание противостоять ему, вечные размышления человека о смерти, неверие в собственный конец, отражение народных поверий, личная психологическая установка, желание деятельности во имя жизни создают сложный комплекс душевных переживаний, который может как сломить человека, так и позволить ему остаться личностью, не опуститься на уровень сплошных инстинктивных действий.

В наиболее интенсивные, ожесточенные минуты сражения у Кузнецова опять-таки появляется чувство нереальности происходящего. Это уже ощущение не бреда, а возможного сумасшествия: «Я с ума схожу», – подумал Кузнецов, ощутив эту ненависть к своей возможной смерти, эту слитность с орудием, эту лихорадку бешенства, похожую на вызов, и только краем сознания понимая, что он делает» (с. 177). Исключительная степень напряжения физических и духовных ресурсов сливается воедино с пережитым ранее эмоциональным положительным потрясением, принесшим веру в личное везение. Такое соединение порождает душевный надрыв, отодвигающий рациональное на задний план, а наружу выводящий истинную натуру человека. И если, например, у Чибисова – это внут-

ренняя слабость, сломленность, то у Кузнецова – безрассудное отчаяние, сила жизни, торжествующей над смертью, что свойственно молодости.

После окончания атаки им овладели противоречивые мысли: «Четверо, в том числе и он, были награждены улыбнувшейся судьбой случайным счастьем пережить день и вечер нескончаемого боя, прожить дольше других. Но радости жизни не было. <...> После всего, что надо было пережить за эти сутки, он, как в болезни, перешагнул через что-то – и это новое, почти подсознательное толкало его к тому разрушительному, опьяненному состоянию ненависти, наслаждения своей силой, какое испытывал он, когда стрелял по танкам и видел, как горели они» (с. 253). Действительно, Кузнецовым двигало уже не желание жить, а скорее возможность противостоять смерти, воплощенной в немецких танках. Их уничтожение герой воспринимает как личное торжество, торжество смертного солдата над своим главным противником – смертью.

«“Это как бред. Что-то случилось со мной, – подумал удивленно Кузнецов. – Я вроде жалею, что кончился бой. Если я уже не думаю, что меня могут убить, вероятно, меня действительно убьют! Сегодня или завтра...” И он усмехнулся при этой мысли» (с. 253). У молодого лейтенанта качественно изменяется отношение к своей возможной смерти. У него нет ужаса, нет экзальтации чувств. Эмоциональный переворот, произошедший в душе и сердце Кузнецова, еще не до конца осмыслен его разумом. Страх смерти отступил перед новым, ранее не изведанным ощущением своей, прежде всего, духовной силы.

Отношение героя к смерти описано и в эпизоде, когда Кузнецов рассматривает убитого немецкого танкиста. «Не раз в первых боях под Рославлем Кузнецов представлял себя вот так вот убитым, мысленно видел, как его тело брезгливо и грубо трогает сапогом какой-нибудь подошедший немец и, думая о том, желал только одного – удара в голову, в висок. Он больше всего боялся, что при смертельном ранении останется на лице, не исчезнет гримаса страдания, нечеловеческий оскал страха, как это часто бывало на лицах убитых, чем-то унижая их смерть. И, как в спасение, в помощь, верил в последний пат-

рон, который с того времени всегда берег в пистолете почти суеверно. Так было спокойней» (с. 262). Как видим, Кузнецов боится не самой смерти, а той беспомощности, которая непременно наступает вслед за ней. Он не страшится или не понимает до конца того, что навсегда перестанет существовать. Лейтенанта занимают мысли о возможном унижении после смерти, что свидетельствует о большой гордости и в то же время о внутренней неуверенности, свойственной молодому руководителю, каким и является Кузнецов, командуя и отвечая за свой расчет. Как в жизни он стремится не показывать свою неуверенность в правильности своих действий, контролирует свои слова и поступки, стараясь сделать их соответствующими званию, памятуя о двух новых кубиках в петлицах, так и после смерти не хочет он выглядеть униженным и беспомощным. В этом Кузнецов так схож с Зоей Елагиной и так различен с Чибисовым. Зоя так же, как и ее «кузнечик», боится «слабости, унижения, стыда пред смертью, что на нее будут смотреть, трогать руками обнаженное тело, накладывать бинты мужские руки» (с. 180). Но в отличие от Кузнецова, переживающего о том, что его слабость могут увидеть другие, в том числе и враги, что не будет в его положении ничего геройского, Зою тревожит то, что называется женской стыдливостью, истинной душевной чистотой, проявляющейся и в отношениях с окружающими. Как Кузнецов бережет последнюю пулю, так она бережно хранит вальтер. Благодаря личному оружию герои практически держат под контролем свою смерть. И, как ни странно, ощущение того, что их жизнь находится в их руках, помогает им сохранить лицо и человеческое достоинство в самых тяжелых ситуациях. Чибисова же волнует не вид его тела, не гримаса на лице после гибели, а сама смерть, окончание жизни. Пожалуй, он настолько слаб от природы, настолько сломлен морально пленом, что физическое существование на ценностной шкале стоит для него несомненно выше, чем духовная жизнь.

Испытанию смертью в «Горячем снеге» подвергаются и два других персонажа – Дроздовский и Сергуненков. Дроздовский не столько жесток от природы, сколько экзальтирован возложенными на него обязанностями

ми командира батареи, а также принадлежностью к известной военной фамилии. Кроме того, он зол на мир и по-детски не может простить «предательство» своих родителей, умерших и оставивших его одного. На самом деле Дроздовский эмоционально еще незрел, его представления о жизни сформированы военным уставом и собственными умозаключениями, выстроенными на основе одиночества и обиды. Он готов умереть не потому, что не боится смерти, а потому, что не представляет иного существования, кроме жизни. «В возможность своей он не верил, как не верит в нее никто, еще не побывав на краю жизни, не осознав чужую смерть как свою собственную, отраженную в другом» (с. 144). Но самое страшное заключается в том, что он готов с легкостью жертвовать жизнями других. Такой бессмысленной и бесполезной жертвой становится ездовой Сергуненков. Его смерть названа «ощутимо-обнаженной, чудовищно-открытой» (с. 190), и самое главное, совершенно ненужной, не принесшей никакой пользы. Трагичность свершившегося автор подчеркивает портретной характеристикой: «Он, видимо, ни разу в жизни не брился, на юношеских щеках, над верхней пухлой губой золотился пушок... И Кузнецов особенно близко увидел нездешнюю голубизну его глаз, мальчишески нежный подбородок, тонкую и тоже нежную, вытянутую из просторного воротника шею» (с. 189). Это портрет не мужчины и не юноши, а ребенка, которого Дроздовский посылает на очевидную для всех смерть. Сергуненков осознает свою обреченность. Небесная голубизна уже «нездешних» глаз предрекает близкий финал. Важно, что из всех героев романа лишь он вспоминает о том свете, о вечной жизни: «А ежели ты, Рубин, коней мучить будешь, на том свете найду» (с. 197). Портретная и словесная характеристика создает в произведении образ мученика, безвинно принявшего смерть.

В романе «Горячий снег» у разных по уровню развития, воспитания, образования и общественного положения персонажей иногда наблюдается одинаковое отношение к смерти. Так, дикий, животный страх безраздельно владеет такими, на первый взгляд, непохожими друг на друга героями, как Чибисов и Касьянкин. Первый – бывший военно-

ленный, освобожденный советскими войсками, второй – адъютант полковника. Все в образе Чибисова говорит о его нежизнеспособности, слабости: «Чибисов мягко, по-бабьи опустил на нары, неспящие глаза его моргали» (с. 9). В следующем описании автор обращает внимание на другую деталь: «...фальшиво-весело ответил Чибисов и, вздохнув, положил маленькие руки на колени, заговорил доверительным тоном» (с. 10). Маленький, мягкий, словно округлый, Чибисов никак не ассоциируется с воином, способным защищать свою землю и свой народ. Он больше похож на женщину, о чем свидетельствуют, помимо прямой авторской характеристики, его частые упоминания о детях: «Дети!.. Дети ведь... Нету мне права умирать. Нету!.. Дети!..» (с. 151). Но на самом деле нет в нем и родительского инстинкта. Складывается впечатление, что его волнует не столько судьба своих детей, сколько возможность спасти ими свою жизнь, загородиться их образом от опасных заданий и происшествий, возможность оправдать своим отцовством страх смерти, обыкновенную человеческую боязнь. И в этом его главный недостаток. Создается несколько парадоксальная ситуация: мужчина, защитник по своей природе, спасается теми, кого обязан оберегать.

Все в образе Чибисова говорит о его духовной сломленности, неприспособленности к суровой жизни. Устойчивыми выразительными признаками становятся робость, неуклюжесть, излишняя торопливость, ковыляющая походка. Но не плен стал тому виной. По своей слабости попал Чибисов к немцам: «Я в себя выстрелить не мог» (с. 10), – говорит он Кузнецову.

По ходу сюжета инстинктивное начало берет верх в характере Чибисова. После первой танковой атаки автор сравнивает его со зверьком: «Порывисто задышав, сорвался со станин, засуетившись, как зверек перед норой, втиснулся в ровик, затих в нем» (с. 269). Постепенно исчезает из его облика человеческое, разумное. «Округленный во внезапном испуге глаз затравлено глянул вверх, но тотчас моргнул, узнал, принял осмысленное выражение, и донесли насильно ободряющие самого себя выкрики Чибисова: “Здоров я, здоров, товарищ лейтенант!..”» (с. 253). Не

человек посмотрел на Кузнецова, а затравленное животное. Множество психологических факторов слились воедино и лишили его остатков стойкости. Полностью же деморализовало Чибисова то, что он стрелял в разведчика, не поверив, что он русский: «Вскинул на Уханова какой-то пришибленный взгляд зверька, затискал на груди шинель. Из-под его подшлемника, заросшего сосульками на рту у подбородка, проник вместе с паром тихий, скулящий звук. И так, тоненько поскуливая, он, как раздавленный, пополз на коленях от орудия, елозя валенками, распластав по земле полы шинели, – и во всем этом было что-то такое жалкое, словно он уже не воспринимал ничего, потерял способность по-человечески передвигаться, понимать что-либо» (с. 289). Внутренняя слабость, пережитый ужас плена, бесконечно долгие стрессовые обстоятельства лишают персонажа мужества, что вполне объяснимо с психологической точки зрения, что вызывает жалость и сострадание. Но исходя из объективного, исторического взгляда такое поведение недопустимо. «На войне все переплетено между собой неисчислимыми нитями, и от того, как ты ведешь себя, на что ты способен, зависит в какой-то мере судьба войны в целом. Каждый храбрый, самоотверженный поступок советского человека, в каких бы условиях он ни был совершен, являлся драгоценным взносом в общую копилку победы. Из суммы этих поступков и формировалась она» [4, с. 16]. Действительно, в какой-то мере дикий страх Чибисова, лишаящий его человеческого облика, простителен. Он – взрослый мужчина, отец. Он прожил жизнь, приобрел неоценимый опыт, но в итоге оказывается морально более слабым, чем мальчики, недавно закончившие военное училище. Его жалеет Уханов, крепкий, уверенный в своих силах человек, «с ядовитой жалостью» относится к нему Кузнецов. Паническое, сходное с нервным срывом состояние Чибисова довольно близко стоит к предательству, но не к физическому, когда солдат перебегает на сторону противника, а к духовному, оборачивающемуся беспомощностью и неверием в победу.

В этом отношении близко к образу Чибисова, на наш взгляд, стоит образ Касьянкина, адъютанта полковника Осина. Между дву-

мя персонажами наблюдается сходство, проявляющееся, прежде всего, в таких чертах, как услужливость, неуклюжесть и некоторая женскость. Вот как описывает Бондарев Касьянкина: «И адъютант его, вооруженный автоматом, маленький, пухлый, отпыхиваясь, наклоня голову при взвизгах очередей, стоял сзади и осторожно помогал ему – счищал налипшие белые пласты со спины, с боков Осина» (с. 223). В итоге полковник «оттолкнул услужливо скребущую по полушубку руку адъютанта» (с. 224). Если готовность угождать появилась у Чибисова после плена, то данное качество Касьянкина обусловлено занимаемой им в армии должностью, но в то же время это одна из специфических черт его характера. Он является скорее служанкой, чем военным. Касьянкин не умеет воевать, неуклюже передвигается в окопе. Свою полную недееспособность, отсутствие силы духа, мужества, храбрости он проявляет в полной мере во время боя с фашистами на дороге. «Касьянкин, сползая по капоту, корчась, все старался сесть в снег, вскрикивал прося и тонко... и барахтался, отталкивал руку Осина, мотал из стороны в сторону своим искаженным плачем лицом» (с. 246). Он даже не пытается дать отпор немцам, страх за собственную жизнь заставляет его забиться под днище машины. Веснин и Осин не испытывают к нему ничего, кроме брезгливости и отвращения. Показателен диалог между полковником и его адъютантом: «– Касьянкин, трусливая сволочь, людей убивают, а ты еще жив? Перед немцами на коленях думаешь поползать? Жизнь сохранить? Нога тебе стрелять помешала? Вылезай, подлец! Вылезай!» (с. 250). Все чувства, вся ненависть переданы в этих словах. В реплике Осина раскрываются основные черты натуры Касьянкина – трусость, угодливость, духовная слабость, «уважение» к своему хозяину, к тому, кто сильнее. Не менее показателен и ответ Касьянкина: «Не надо! Не виноват я!.. – зашелся взвизгивающими рыданиями Касьянкин, не вылезая из-под машины. – Миленький, убейте меня! Убейте!..» (с. 250). Его крики напоминают женские истеричные причитания, прежде всего обращение «миленький», мольба убить его. При этом Касьянкин вовсе не хочет умирать ни от фашистского автомата, ни от пули Осина,

именно поэтому он все время остается под машиной. Просьба убить его есть лишь показатель его рабской натуры. Этот адъютант всю жизнь старался угодить, унизиться, чтобы подчеркнуть силу своего хозяина. И в данной ситуации такие слова являются закономерным отражением его жизненного опыта. Касьянкин даже хуже, чем Чибисов, который из последних сил противостоит немцам, преодолевает себя, как заведенный стреляя снарядами. И если из-за непроходящего стресса Чибисов становится похож на зверька, то Касьянкин теряет одушевленность, превращается в предмет, вещь: Осин «рывком выволок из-под днища машины нечто бесформенное, расплывшееся, трясущееся, с окостенелыми глазами, что повторяло одно и то же голосом Касьянкина: “Товарищ полковник, товарищ полковник...”» (с. 250). Это существо, не похожее на человека, было духовно мертво, хотя физически адъютант остался цел и невредим. С отворачиванием относится к своему персонажу и сам автор, так как в данном примере авторское видение совпадает с личным отношением Осина к Касьянкину.

Следует учитывать, что «Бондарев любит людей мужественных, цельных, с обостренным чувством долга. Герои его – это настоящие мужчины, умеющие, стиснув зубы, держаться до конца, до самой последней точки. Но сказав “мужчины”, мы подчеркнули скорее биологическую особенность, у бондаревских же героев существенно важным выступает и социальная доминанта – то, что мы называем советским характером, или характером солдата Великой Отечественной войны» [3, с. 167]. Образ комиссара Веснина как раз близок к авторскому идеалу. Он не прячется трусливо за машину, за спины своих подчиненных, а решает биться до последнего: «Веснин все понимал с той оголенной трезвостью, в которой уже не было никакой надежды... понимал, что нет выхода, что случилось в его жизни невероятное, неожиданное, уже случавшееся с другими, то, во что было трудно поверить, как в бредовом сне, когда перед тобой одна за другой захлопываются намертво все двери. Понимал, что немцы идут, спускаются по бугру к машине и что этот бой без надежды, который он в

силу безвыходности решил принять, не будет долгим... Но он все-таки не представлял, что может умереть через полчаса, через час, что все сразу внезапно и навсегда исчезнет и его не станет» (с. 247). Осознание обреченности не сломило комиссара, а позволило принять единственно верное решение. Бондарев, обрисовывая душевное состояние Веснина, выделяет основные черты его размышлений: обостренность разума, неожиданность, понимание близости смерти и в то же время неверие в нее. Его взгляд становится острым и беспристрастным, он словно просматривает киноленту, отмечая приближение фашистов. Но не только сила духа помогает Веснину оставаться хладнокровным. На наш взгляд, очень многое объясняет сравнительный оборот «как в бредовом сне», специально употребленный автором. Ужасающая реальность трансформируется в сознании комиссара в ирреальный хронотоп, в котором время теряет четкие очертания, а пространство и люди в нем наблюдаются словно со стороны.

Непосредственно в момент ранения и смерти сохраняются доминантные черты, характеризующие душевное состояние Веснина. Прежде всего неожиданность собственной смерти: «И то, что еще уловил Веснин... были повернутые к нему немо кричащие о каком-то невозможном несчастье глаза майора Титкова» (с. 248). Как ни странно, вместе с осознанием случившегося к комиссару приходит внутреннее успокоение. При этом у него нет страха смерти, а есть лишь «облегчение от какой-то внезапной и уже пришедшей понятности случившегося сейчас с ним» (там же). В произведении возникает диссонанс между реальным временем, в котором был убит Веснин, и тем, которое разворачивается в его умирающем сознании. Первое насчитывает всего лишь несколько секунд, а второе словно позволяет ему медленно прочувствовать собственную гибель, ощутить ее и сравнить с уже ранее пережитыми чувствами: «...багровые волны шли перед глазами, накатывали на что-то необъятно-огромное, мерцающе-черное, похожее не то на горячую выгоревшую пустыню, не то на южное, низкое ночное небо»

(там же). Так, сталкиваясь с неведомым, человек пытается понять его, опираясь на пережитый опыт. Почему же в предсмертные мгновения Веснин вспоминает тот эпизод с дочерью? С одной стороны, он чувствовал себя виноватым перед ней, с другой стороны, дочь – это продолжение его жизни, его кровь, оставшаяся в родном человеке. Поэтому воспоминание о ней, о ее «дрожащих, цепляющихся» руках есть его подсознательное стремление уйти от смерти, побороться с ней, но он «уже ничего не мог ни сказать, ни сделать – прочность земли уходила из-под ног» (с. 249). Таким образом, смерть комиссара Веснина показана одновременно с двух планов: субъективного (его собственные мысли, чувства, ощущения) и объективного (смерть глазами автора и майора Титкова).

Итак, в романе Ю. Бондарева «Горячий снег» персонажи подвергаются испытанию смертью, которое выдерживают не все. В жестких условиях сражения личность обнаруживает свою истинную натуру. Человек на войне либо преодолевает смерть, даже умирая, либо духовно погибает, физически оставаясь существовать.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Далее при ссылке на это издание в круглых скобках будут указаны номера страниц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарев, Ю. В. Собр. соч. В 4 т. Т. 3 / Ю. В. Бондарев. – М. : Молодая гвардия, 1974. – 464 с.
2. Идашкин, Ю. В. Юрий Бондарев / Ю. В. Идашкин. – М. : Худ. лит., 1987. – 272 с.
3. Кузнецов, М. Исповедь поколения. О творчестве Юрия Бондарева / М. Кузнецов // Наш современник. – 1973. – № 5. – С. 161–177.
4. Ломидзе, Г. И. Нравственные истоки подвига: Советская литература и Великая Отечественная война / Г. И. Ломидзе. – М. : Сов. писатель, 1985. – 208 с.
5. Страхов, И. В. Психология литературного творчества (Л. Н. Толстой как психолог) / И. В. Страхов. – М. : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : НПО МОДЭК, 1998. – 384 с.

**TEST BY DEATH
OF HEROES OF THE NOVEL OF Yu. BONDAREV “HOT SNOW”**

V.V. Kompaneets, I.A. Manakina

In the article test by death of the person for war is analyzed, images of the main and minor characters are considered, communication between moral potential of the person and its attitude to death is certain.

Key words: *test by death, fear, the instinctive beginning, moral potential, evolution of the person.*